

Философия

УДК 128+2

Е.В. Кротов

Религиозно – философское переосмысление феномена смерти в условиях трансформации религиозных представлений постмодерна

Автор статьи рассматривает религиозно-философские аспекты отношения к феномену смерти современного человека как представителя постсекулярного мира эпохи постмодерна. Обозначая особенности религиозности рассматриваемого периода, автор делает вывод о различных уровнях ее проявления и ее неоднородности и, несмотря на возрождение и укрепление позиций традиционных религиозных систем, для человека современности становится характерным внеконфессиональная религиозность и стремление к религии без религии, когда Бог мыслится в некоем расстоянии от метафизического до радикально-герменевтического. Человек эпохи постмодерна обречен на самостоятельный поиск смыслов, в том числе поиск смысла смерти. Поскольку отношение к смерти динамично, рассмотрены стадии, характеризующие отношение к смерти как в истории человечества, так и в индивидуальной истории конкретных людей. Дан христианский ответ на вопрос о понимании смерти, предлагающий выход из ситуации безысходности и страха перед небытием.

Ключевые слова: смерть, смертность, смысл смерти, смысл жизни, постмодерн, иммортология, вера, трансформация религиозности, религиозность, постсекулярность, бессмертие, вечная жизнь.

*«Только смерть может наполнить величием и смыслом все,
что кажется мелким и незначительным»
Митрополит Сурожский Антоний (Блум)*

На протяжении всего времени существования человечества вплоть до наших дней одной из центральных тем мифологического

и философского размышления является вопрос о конечности человеческого существования как о факте естественного окончания жизни.

Проблемы старения и смерти всегда интересовали человечество, при этом желание понять феномен смерти было неотделимо от желания замедлить или устранить его. Страх смерти и, соответственно, чаяние и предвосхищение бессмертия, попытки наглядно представить его осуществление – одна из устойчивых тенденций человеческого существования, свойственная различным культурам и религиям [16, с. 208].

Последовательные представления о загробном мире, в котором продолжится индивидуальная жизнь, прослеживаются как минимум в мифологиях первых городских культур. У шумеров это довольно мрачное обиталище, египтянам оно видится значительно привлекательнее. Герой аккадского эпоса Гильгамеш (ок. 2200 гг. до Р.Х.) жаждет бессмертия в земном мире, но претерпевает неудачу и смиряется с участью смертного [8, с. 740].

Актуальность данной темы состоит в том, что, несмотря на столь пристальное внимание человеческой мысли к феномену смерти, смерть и проблема посмертного существования остаются загадкой для современного мировоззрения. Для большинства членов современного постсекулярного общества эпохи постмодерна феномен смерти, несмотря на выработанные многими народами традиции осознания процесса умирания, является пугающим событием, обозначающим конец жизни.

Чтобы говорить о переосмыслении феномена смерти в религиозно-философском ключе, необходимо определить отношение к жизни в рамках тех или иных философских и религиозных взглядов. В рамках заявленной темы мы рассмотрим изменения, произошедшие в религиозно-философском восприятии Бога современным обществом, и на фоне данных представлений представим некоторые особенности понимания феномена смерти в современном постсекулярном мире.

В контексте атеистического восприятия жизнедеятельность человека сводится к инстинктам и рефлексам, низводя человечество на один уровень с прочими живыми существами, обитающими на земле. Таким образом, проблема смерти, а тем более бессмертия отпадает сама собой, так как представляет собой естественный процесс, а человек призван самостоятельно определить смысл своей жизни и смерти [10, с. 220].

Если для всего живого свойственны разрушение и распад, то смерть не является чем-то противоестественным для человека как живого существа, и ее органическая трактовка не предполагает трагического ее восприятия. Смерть естественна как биологический феномен, но как нечто, вторгающееся в ментальную сферу человеческого бытия, смерть противоестественна, а потому должна быть осмыслена и понята. Именно поэтому «принятие» возможно не через знание о ней (в этом смысле она объективна), а через субъективное переживание ее как феномена собственного бытия. Ведь только как духовное существо человек не может примириться со смертью [13, с. 89].

Начиная с Фалеса и Эпикура европейская традиция постоянно заявляет об отсутствии смерти: ее нет, потому что невозможно определить, что такое смерть. Квинтэссенцией такого понимания проблемы смерти является классический анализ, данный блаженным Августином в трактате «О Граде Божиим». Смерть олицетворяет собой одновременно и магический переход, нуль-точку между временностью и вечностью, и путь к Воскресению [14, с. 21]. Эта мысль присуща европейской традиции, является частью религиозно-философского представления об устройстве мира, как творения Всемогущего Бога, Который является единственной причиной и возможным условием бытия мира. Обратим внимание на то, как меняется образ Великого Творца в современной европейской культуре.

Определяя современную эпоху, социологи и философы обозначают ее как эпоху постмодернизма, обозначая постсекулярность

одной из ведущих ее характеристик. Постмодерн в философской энциклопедии характеризуется как многогранное понятие, которое имеет широкий спектр употребления: от области искусства до сферы особого типа философствования. Смысл его заключается в уходе от традиционных ценностей модерна. В философию этот термин проник достаточно поздно, широкое распространение он находит в дискуссиях о новейшей литературе в конце 50-х годов двадцатого столетия, в конце 60-х годов употребление этого термина проникает в социологический язык [9].

Критика модерна – главный признак этой эпохи: ниспровержение медиадискурсов, эклектика и релятивизм, кроме самой идеи вседозволенности, всеобщего равенства. Как следствие – плюрализм в культуре и мышлении, отсутствие интегрирующего ядра, центральной идеи, что ведет к опасности распада целостности общественных структур.

Особое внимание в современную эпоху приобретает информация, которая становится доступной, включая не только знание научное, но и знание того, что происходит в любой точке мира, все подвергается обнародованию, провозглашается принцип вседозволенности («ничего святого») [9]. Эта мысль наталкивает нас на осознание того, что человек эпохи постмодерна обречен на самостоятельный поиск смыслов, в том числе поиск смысла смерти.

Мишель Фуко, один из идеологов постмодерна, осуждает западную культурную традицию, стремящуюся навязать другим народам свою систему ценностей. С позиций культурного релятивизма допускается полное равенство всех культур, но при этом следует соблюдать равноудаленную дистанцию от любой из них. Это отношение «со стороны» характерно и в отношении постмодернизма к религии, несмотря на то, что именно религия и религиозные символы, пронизывающие духовную культуру общества, на протяжении веков не только лежали в основе социального порядка, но и обеспечивали смысл бытия окружающего мира и смысл личного существования

человека (смысл жизни и смерти). На протяжении веков именно религия обеспечивала незыблемый порядок устройства и функционирования всего существующего [18, с. 6].

Религиозная сфера жизни на фоне процессов глобализации, которая охватила различные сферы общественной жизни, подверглась серьезным преобразованиям в конце XX – начале XXI столетий. Нужно отметить, что более значительные и заметные изменения произошли и в сферах политики, экономики, искусства, и все они оказали влияние на трансформацию смыслов и установок, на трансформацию религиозности.

«Теологический поворот», произошедший в философии, обозначает вопрос о возможности возвращения Бога в мышление. Джанни Ваттимо в своем труде «После христианства», вновь и вновь обозначая кризис секулярного разума, задается вопросом: как привести Бога «к языку» «после прохождения через современность» [6]. Вопрос о существовании Высшего идеала (Бога) трансформируется в вопрос данности повседневному опыту божественного. Это требует от священного его вовлеченности в сферу повседневных обыкновенных вещей, через которые мы приобщаемся к этому священному, имея общение с окружающим нас обыденным миром, общаясь с «другим лицом к лицу».

Рассматривая проблему определения смысла жизни и поиска Бога (как элемента традиционной религиозности) в условиях перехода от секуляризма к постсекулярности, обратимся к работам Джона Капуто и Джанни Ваттимо как представителей современной философии, занимающихся проблемой возврата сакрального в эпоху постмодерна, возможностью существования религии «после Бога». Авторы во многом опираются на поздние работы М. Хайдеггера, в которых одним из центральных событий является событие (Ereignis). В преодолении метафизики присутствия Капуто признает хрупкость мыслительных построений, случайность всех социальных, лингвистических и исторических структур, обращаясь к теории деконструкции Ж. Деррида. Теология события – так назвал

свою теологию Капуто, под событием он понимает не то, что происходит, но «нечто, что происходит в том, что случается, что выражается или осуществляется или придает форму тому, что случается»; это не что-то присутствующее в настоящем, но что-то стремящееся проявиться в том, что присутствует. Капуто различает имя и событие, обнаруживающееся в имени. Имя является предварительной формулировкой события, обладающей относительной устойчивостью. Имя, в отличие от события, – развивающаяся структура; событие же – всегда в движении, в поиске новых форм и способов выражения.

Важной стороной существования каждого человека современности философы называют религиозную структуру, в основе которой лежит ряд положений. Так, традиционная конфессиональная религиозность уже не составляет понимание религии, но бытие человека выступает в качестве религиозного бытия – это и есть сама религия. Базовой структурой человеческого опыта и события Капуто мыслит само «религиозное», как то, что действительно случается и конструирует опыт. В религиозном измерении бытия человек уже не полагается на самого себя, но вступает в пространство того, чью возможность постичь не в состоянии, покидая область личного комфорта, пространство уверенности, ступая за пределы возможного, что Капуто называет «религией без религии». Философ подчеркивает, что возрождение религии в современную эпоху характеризуется придачей ей подлинного смысла – веры. Религия – завет с невозможным, хотя мы можем порой даже назвать имя Бога как имя любви. Капуто говорит о религиозной истине как истине без знания, так как мы никогда не можем быть уверены в том, что (кто) же в реальности есть Бог, что такое любовь и кто такой человек. Капуто смело заявляет, что «религия — для сумасшедших (то есть для любящих)». А религиозный смысл в человеческой жизни появляется, когда человек оказывается перед лицом своих ограниченных возможностей, лишенный какой бы то ни было уверенности в жизни. И эта сложность, неразрешимость является фундаментом

для построения веры, для ее постижения, посредством чего человек обращается к «гиперреальному».

Рассматривая особенности религиозности эпохи постмодерна, мы приходим к выводу, что религиозность этого периода неоднородна и имеет различные уровни своего проявления. В целом, несмотря на возрождение и укрепление позиций традиционных религиозных систем, для человека современности становятся характерными внеконфессиональная религиозность и стремление к религии без религии, когда Бог мыслится в некоем расстоянии от метафизического до радикально-герменевтического. Когда в первом случае речь идет об отождествлении Бога с первой и последней (единственной) причиной бытия; и о стремлении возврата к святости повседневного, к Богу «малых вещей» – во втором [6].

Признавая факт трансформации религиозных представлений в современной эпохе, кратко рассмотрим характер данных изменений. Определяя уровни изменения традиционных религиозных представлений, мы будем исходить из уровней процесса секуляризации, как антипода явлению десекуляризации, являющегося явной характеристикой постсекулярности эпохи постмодерна. Так, К. Доббелере предлагает три таковых уровня: уровень структуры общества (макроуровень); уровень религиозных организаций (мезоуровень) и уровень индивида (микроуровень) [15. с. 63].

Эта структура имеет универсальный характер для обозначения не только сферы секулярного, но и постсекулярного, определяя отношение общества в целом и процессов, происходящих в нем; отдельных групп; каждой личности к вопросам самоидентификации, поиска смыслов и постановки целей. Глобализация, о которой мы говорим, показывает нам условия проявления религиозной сферы и особенности самоопределения общества на макроуровне.

Кризис традиционной религии привел к распространению нетрадиционных форм религиозности. Своей практической и идеологической деятельностью современные нетрадиционные религиозные движения и культы подрывают основы традиционной религиоз-

ности, на ее место приходит измененная религиозность, которую можно определить как псевдо- или квазирелигиозность – эти процессы мы отнесем к мезоуровню, так как трансформация происходит на уровне религиозных обществ, пусть даже нетрадиционных.

Что касается микроуровня с позиции индивида, то трансформация религиозности вызвана разрушением четко иерархизированного религией «сакрального космоса» под натиском перемен (в обыденном языке это можно назвать «дух времени»). В результате человек ощущает «космическую бездомность», и никакие достижения высокоразвитой цивилизации не в состоянии компенсировать этот метафизический дискомфорт, ведь, несмотря на все научно-технические преобразования, человек продолжает осознавать свою смертность, немощность и стремится вновь обрести трансцендентную опору своего существования.

Каждому уровню трансформации религиозных представлений соответствует свой пласт осмысления религиозно-философских понятий, в том числе онтологических и аксиологических, в число которых входит и понятие смерти.

Наличие представлений о смерти на макро- и мезоуровне определяется характером знаний о данной феномене, и имеющих применение в рамках научных, религиозных, философских, эзотерических и иных сообществ, выступающих «экспертными» по данному вопросу. Остальная часть общества по отношению к экспертной группе будет являться профанной. Даже при полной доступности этих знаний их понимание не принадлежащими к данному сообществу людьми будет затруднено и ограничено спецификой тезауруса. Например, язык философии категориален, вследствие чего сложен для восприятия. Это значит, что философские представления о смерти остаются достоянием незначительной группы «экспертов» – профессиональных философов и узкого круга интересующихся нефилософов, которым интересен данный способ мышления и пласт духовной культуры человечества. Аналогичная ситуация характерна и для религиозной танатологии [1 с. 30].

В итоге на уровне личностного понимания феномена смерти (микроуровня) зачастую происходит смешение и взаимопроникновение в сознании индивида коллективного запаса повседневных представлений, религиозных, философских, научных, мистических, эзотерических и иных знаний, что формирует субъективный образ смерти. Так, Н.А. Антипов говоря о том, как объективно внешнее переводится в плоскость субъективно-внутреннего, ссылается на У. Джеймса, который писал о наличии в субъективном мире индивида целого ряда субмиров: мира науки, мира философии, религиозного мира и мира повседневной жизни [1, с. 28].

В обыденном мышлении, характерном для большинства людей, смерть воспринимается с опорой на одну из сформированных в сфере разума мировоззренческих установок, которые при самом общем рассмотрении можно разделить на: 1) атеистически-материалистические (такие как гедонизм, восходящий к идеям Аристиппа и Эпикура, отстраивавших первенство потребностей индивида, свободу удовлетворения потребностей; удовольствие – наивысшая ценность. Его получение возможно любыми средствами); 2) теистически-идеалистические (религиозно-идеалистического взгляда на проблему жизни и смерти придерживались Сократ и Платон. Сократ считал, что подготовкой к вечной жизни после смерти является земная жизнь, которую человек должен достойно и безгрешно прожить. Платон, ученик Сократа, утверждал, что с помощью души смерть переходит в жизнь, как переходят все противоположности одна в другую) [11, с. 518]. Второй линией деления может быть эмоционально-чувственное отношение к смерти страх смерти или ее принятие.

Отношение к смерти динамично и проходит стадии, проступающие как в истории человечества, так и в индивидуальной истории конкретных людей. Ф. Арьес выделил пять этапов в изменении отношения человечества к смерти [2]. Первый этап характерен для архаики до XIX века и обозначается формулой «все умрем». Люди трактовали смерть как естественную неизбежность, а уход

из жизни не воспринимался как полный разрыв с миром живых, поэтому им не был свойственен страх перед смертью. Второй этап, обозначаемый формулой «смерть своя», характеризовался тем, что человек открыл в смерти собственную индивидуальность, поскольку представление о страшном суде над родом человеческим сменилось представлением о суде над индивидом после его кончины. Третий этап – «смерть далекая и близкая» – характеризуется крахом механизмов защиты от природы. Четвертый этап – «смерть твоя» – наступает с ослаблением веры в загробные кары и состоит в том, что смерть ждут как момент воссоединения с ранее ушедшим любимым человеком. Здесь, в связи с распространением романтизма, появляется позитивное отношение к смерти: «Романтизм способствует превращению страха смерти в чувство прекрасного» [2, с. 16]. Пятый этап, для которого характерна формула «смерть перевернутая», свойственен жителям высокоразвитых стран. Смерть вытесняется из коллективного сознания, общество будто бы игнорирует ее. «Смерть становится несчастьем и препятствием, ее стараются не только удалить от взоров общества, но и от самого умирающего, дабы не делать его несчастным» [2, с. 15–16].

Описаны и стадии, которые переживает конкретный индивид, когда им овладевает ощущение близости смерти. Р. Нойес выделяет три таких стадии. Первая – сопротивление – состоит в том, что происходит осознание опасности, появляется страх и направленность на борьбу с нею. Однако, когда достигается осознание тщетности попыток выжить и происходит отказ от сопротивления, страх исчезает и человек погружается в спокойствие. Следующая, вторая, стадия – обзор жизни – заключается в том, что выстраивается некая панорама воспоминаний, сменяющих друг друга в быстрой последовательности и охватывающих все прошлое человека. Третья стадия – трансцендентности – проявляется в том, что человек воспринимает свое прошлое во все большей отдаленности, умирающий, как бы выходя за пределы самого себя, испытывает

трансцендентальное состояние, иногда обозначаемое как космическое сознание. Иногда выделяется и еще одна, четвертая, стадия: видение себя после смерти [19, с. 125].

Психотерапевт Э. Кюблер-Росс, обобщая свой многолетний опыт работы с умирающими больными, выделяла пять стадий психологической адаптации к смерти. Первая стадия – отрицание – состоит в отрицании возможности своей смерти, в объяснении известия о том, что болезнь смертельна, ошибочным диагнозом. На второй стадия – гнева – человек задается вопросом: «Почему именно Я?», возникают фрустрация и обвинительные реакции в отношении врачей, других людей и судьбы в целом. На третьей стадии – торга – человек ищет способы продления жизни и обещает (Богу, врачам и т.д.) все что угодно в обмен на него. На четвертой стадии – депрессии – умирающий теряет интерес к жизни, испытывая отчаяние, чувство безнадежности, неизбежности скорой смерти, тяжело переживая предстоящую разлуку с родными и близкими. На пятой и последней стадии – принятия – человек смиряется со скорой смертью, обретает душевный мир и спокойствие, смиренно ожидает своего конца [19, с. 125; 3 с. 55–56].

Естественно, процесс адаптации к смерти может не развиваться линейно, последовательно проходя все описанные стадии, а перескакивать через какие-либо из них или возвращаться на прежние стадии. Например, надежда на выздоровление может возвращаться к утратившим ее больным, и, наверное, самые болезненные переживания порождаются повторной утратой возродившейся на время надежды. Причем ее возвращение и утрата могут происходить неоднократно, что порождает у больных перепады настроения и очень сложные психологические состояния.

Л.А. Китаев-Смык выделяет два главных фактора, влияющих на переживания умирающего: 1) внутренние физиологические предсмертные преобразования в его организме и влияние продолжающегося общения с окружающими людьми, 2) эсхатологические представления и установки [19, с. 125].

Религиозно-философское осмысление идеи конечности человеческой жизни за полвека до постмодерна достаточно полно развил С. Кьеркегор. Именно он представил личность как синтез конечного и бесконечного, возможного и необходимого, полагая, что только через осознание смертности мы можем прийти к вере в Бога, который есть чистая возможность, дающая человеку надежду на бесконечное. Именно в религии человек осуществляет свой первый опыт снятия ограничений со своего биологического существования, ощущение конечности которого претит бесконечным духовным порывам личности [12, с. 179].

О желании бессмертия как о самой сильной потребности человека писал М. де Унамуно: «Более всего отличает человека от всех прочих животных именно то, что он так или иначе хоронит своих мертвецов, вместо того, чтобы беспечно оставить их на произвол всепорождающей матери-земли; человек есть животное, хоронящее мертвых. С какой же стати он их хоронит? С какой стати он, бедняга, оказывает им покровительство? Его бедное сознание стремится избежать своего собственного уничтожения, а так как этот еще дикий дух не может удовлетвориться миром, восстает против мира и постигает себя как нечто отличное от него, он должен хотеть обрести другую жизнь, которая не была бы жизнью в том же самом мире» [12, с. 180].

Религиозное чувство, по Унамуно, – это ощущение божественного. И человек скорее через божественное пришел к Богу, чем из Бога вывел божественное. Унамуно опирается на концепцию Ф. Шлеермахера о том, что сущность религиозного чувства – чувство зависимости. Примитивный человек чувствовал зависимость от сил природы и персонифицировал, одушевлял их. Божественное было субъективностью сознания, то есть обожествление значило очеловечивание. Так появился Бог чувственный (живой, витальный), который со временем превратился в идею Бога (Бога логического, то есть в метафизическое заключение о Нем, в гипотезу), обоснованную разумом (католицизм, превра-

тившись в богословие, превратился из культа живого Бога в Бога логического). Однако на дорогах разума Бога не найти, считает Унамуно: «К вере в Бога нас приводит не рациональная необходимость, а витальная тоска... Верить в Бога – значит испытывать голод по Богу, чувствовать Его отсутствие и страстно желать, чтобы он существовал... Верить в Бога значит вести себя так, как если бы он существовал... жить этим страстным желанием и превращать его в главную внутреннюю пружину своего поведения... Из этого страстного желания, или голода по божеству, рождается надежда, из нее – вера, а из веры и надежды – милосердие... чувства красоты, цели и добра» [5].

Философское понимание смерти становится основанием для различных психологических концепций, рассматривающих феномен смертности, смерти и бессмертия. Так, в экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра, в его работе «Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии» смерть обесмысливает жизнь, ограничивая возможности самореализации человека [3, с. 57]. Будучи погруженным в повседневное бытие в его множественности и полифоничности, человек, по Сартру, не способен предвосхитить или, тем более, встретить свою смерть. Смерть оказывается тем, что всегда происходит с другими. Чувство страха перед возможной (случайной) собственной смертью провоцирует выработку позиции «превосходства», безразличного спокойствия к факту, что люди умирают. Кроме того, смерть, будучи смертью другого, уже всегда налицо, уже всегда в прошлом, впереди ее нет. Сартровский субъект обречен на свободу, он уже выбран, его не спросили, выбирая его корни – в абсолютном ничто. Самое большее, на что способно сознание, это приблизиться, быть сознанием чего-либо. Камю и Сартр видят в смерти не позитивный, утверждающий момент человеческого бытия, а разрушающий смысл и индивидуальность.

Повседневность закрывает от человека многие аспекты его бытия и собственного Я. Поскольку человеку никогда не хватает времени осмыслить свое бытие здесь и сейчас, он всегда устремлен

в будущее, границы которого представляются призрачными и потенциально бесконечными. Смерть же вторгается в бытие человека, делая эти границы актуальными и не только сужающими временные рамки человека, но и представляющими весь мир в непосредственной близости человеку. «Люди знают о верной смерти и все же “существуют” собственно без уверенности в своей. Падающая обыденность присутствия знает достоверность смерти и все же от уверенного в ней бытия уклоняется. Но из того, от чего оно уклоняется, это уклонение феноменально подтверждает, что смерть требует осмысления как наиболее своя, безотносительная, необходимая, верная возможность. Говорят: смерть, наверное, придет, но пока еще нет. Этим «но...» люди отказывают смерти в достоверности» [17, с. 292–293], писал М. Хайдеггер о забвении смерти. Именно это характеризует состояние бегства от смерти, от необходимости ее принятия, что, однако, чрезвычайно важно для понимания собственной жизни.

Согласно М. Хайдеггеру, смерть не столько обнаруживает человека в безнадежном одиночестве, в неумолимой предельности и сведенности к собственным, единственным источникам, сколько проясняет и определяет аутентичность человека с точки зрения осознания его востребованности бытием, его призванности к вопрошанию смысла, его выхода за свои границы, забвения собственных интересов ради бытия, нуждающегося в своем свечении. Человеческая смертность, будучи и оставаясь структурой *Dasein*, становится также заданием и даром бытия. Хайдеггеровский человек – человек осознанного и мужественного выбора бытия-к-смерти, он берет Ничто на себя. Экзистенциальные психологи, ориентирующиеся на философию М. Хайдеггера, говорят о влиянии тревоги смерти на существование и развитие человека опосредствованно личностными ресурсами, она же может иметь конструктивный характер, стимулировать личностный рост и более глубокую осмысленность жизни. В качестве одного из способов психологической защиты, служащей для преодоления страха смерти, можно рассматривать иммортализацию.

Идея иммортализации исходит из того, что жизнь для человека – великое, всеобъемлющее благо, а смерть – закономерная граница жизни, после которой ничего не происходит. Мы только умираем – никакой загробной жизни, никаких вторых возможностей, никакой реинкарнации. Таким образом, то, что мы испытываем сейчас, и жизнь, которая у нас есть сейчас, демонстрирует отсутствие альтернативы. В результате осознание безысходности, появляющийся страх смерти порождают естественное желание для человека продлить жизнь, максимально отдалить наступление смерти [3, с. 57–58].

Мишель Фуко, один из главных идеологов постмодерна, осуждает западную культурную традицию, стремящуюся навязать другим народам свою систему ценностей. На фоне повышенного интереса к культуре со стороны постмодерна (в данном случае «постмодерн» выступает как условие и результат одновременно) можно заявить о следующем: «идея смерти и умирания человека обрамляют все размышления о современной культуре» [14]. Сегодня даже идут дискуссии о небывалых ранее явлениях «цифровой смерти», «цифровых останков» и «загробной жизни онлайн» [7]. Тема смерти и всего, что с ней связано, по-прежнему остается интересной каждому человеку.

Что думает о смерти современный человек и как относится к ней? Подобные вопросы встают перед человечеством вновь и вновь, цивилизации и идеологии сменяют друг друга, но попытки человечества победить смерть или взять контроль над ней средствами достижений медицины, науки и современных технологий оказываются безуспешными перед лицом неотвратимого завершения жизни.

До сегодняшнего дня попытки «победить» смерть оказывались безуспешными. Примером тому может послужить история умершего 20 марта 2017 года в возрасте 101 года долларового миллиардера, политика и государственного деятеля – Джона Д. Рокфеллера, прибегшего за свою жизнь к рекордному количеству операций по пересадке сердца (семь) и дважды перенесшему пересадку почек. Доступ к благам и достижениям человечества не способен отра-

тить неизбежное. В Священном Писании на этот счет есть такие слова: «И как человекам положено однажды умереть...» (Евр. 9:27).

Христианство, отвечая на вопрос о понимании смерти, предлагает выход из ситуации безысходности и страха перед небытием, это – «воскресение из мертвых» и «жизнь будущего века». Воскресение Иисуса Христа является центральной темой христианства. Апостол Павел в послании к Коринфянам утверждает: «...если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1Кор.15:14). Христиане основывают свою веру в бессмертие души и в загробную жизнь на Божественном Откровении Ветхого и Нового Заветов, на учении святых отцов и учителей Церкви, на понятиях о Боге, душе и ее свойствах [4, с. 8].

Сам Христос обещает жизнь вечную верующему в Него: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин. 11:25–26). Тем самым искренняя вера в Бога способна наполнить смыслом земную жизнь человека, побуждая прожить ее в соответствии со званием человека, сотворенного по образу Божьему и подобию.

Признавая факт смерти как следствие грехопадения, христианство предлагает человеку всех времен и народов вкусить радость Царства Небесного, которое находится внутри каждого. Состояния, которыми в Священном Писании названа участь праведных душ, характеризуются как: Царство Небесное (Мф. 8:11); Царство Божие (Лк. 13:20; 1 Кор. 15:50); рай (Лк. 23:43). Состояние же отверженных душ, или место их пребывания, называется геенной, в которой червь не умирает и огонь не угасает (Мф. 5:22; Мк. 9:43); печью огненной, в которой плач и скрежет зубов (Мф. 13:50); тьмой кромешной (Мф. 22:13); адским мраком (2 Петр. 2:4); адом (Ис. 14:15; Мф. 11:23); темницей духов (1 Петр. 3:19); преисподней (Флп. 2:10) [4, с. 8]. Это загробное состояние осужденных душ Господь Иисус Христос и называет «смертью», а души осужденных грешников, находящихся в этом состоянии, называет «мертвецами», ибо смерть есть

удаление от Бога, от Царства Небесного, это лишение истинной жизни, блаженства – счастья, к которому так стремится человеческая душа.

Литература:

1. Антипов, Н. А. Смерть в сознании современного общества / Н. А. Антипов. – Текст : непосредственный // XXI ВЕК. ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР. – 2018. – № 1(01), Т. 1. – С. 26–34.

2. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти : пер. с фр. / общ. ред. С. В. Оболенской ; предисл. А. Я. Гуревича. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. – 528 с. – Текст : непосредственный.

3. Башилов, Р. Н. Мортальность и иммортальность в психологическом дискурсе / Р. Н. Башилов, С. М. Башилова. – Текст : непосредственный // Вестник ТвГТУ: Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». – 2013. – Выпуск 2. – С. 55–59.

4. Зоберн, В. М. Будущая загробная жизнь: Православное учение / В. М. Зоберн. – Москва : Эксмо, 2012 – 124 с. – Текст : непосредственный.

5. Изотова, И. С. Человек, Бог и религия в философской танатологии Мигеля де Унамуну / И. С. Изотова. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 142–149.

6. Коначева, С. А. Секулярный мир и новый человек в современном западном богословии. – Текст : электронный. – КиберЛенинка : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekulyarnyy-mir-i-novyy-chelovek-v-sovremennom-zapadnom-bogoslovii> (дата обращения:10.04.2019).

7. Мороз, О. Феномен цифровой смерти / О. Мороз. – Текст : электронный. – Ассоциация специалистов в сфере образования, науки и просвещения «Издательский дом «ПостНаука»» : сайт. – URL: <https://postnauka.ru/video/87723> (дата обращения: 10.04.2019).

8. Назаретян, А. П. Смыслы жизни и образы смерти в эволюционной развертке / А. П. Назаретян. – Текст : электронный // Вестник Российской Академии Наук. – 2013. – Т. 83. – № 8. – С. 739–745.

9. Термины: постмодерн, постсовременность. – Текст : электронный. – Национальная философская энциклопедия : сайт. – URL: <http://terme.ru/termin/postmodern-postsouremennost.html> (дата обращения: 11.04.2019).

10. Сахарцева, Н. В. Жизнь и смерть в философии / Н. В. Сахарцева. – Текст : непосредственный // Научно-исследовательская деятельность как фактор личностного и профессионального развития студентов : мат-лы междунар. студ. науч.-практ. конф. среди образовательных учреждений СПО, 2018 г. / Многопрофильный колледж ФГБОУ ВО Орловский ГАУ. – Орел : ФГБОУ ВО Орловский ГАУ, 2018 – С. 218–225.

11. Собанина, А. В. Смысл жизни в духовном опыте человека / А. В. Собанина. – Текст : непосредственный // Современные тенденции развития науки и образования : мат-лы междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. Прага, 24 декабря, 2016 г. – Прага : НИЦ «Мир Науки». – 2016. – С. 516–523.

12. Тихонова, И. Ю. Конечность человеческого бытия как предмет философского анализа / И. Ю. Тихонова. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Ч. II. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 5(55). – С. 178–180.

13. Тихонова, И. Ю. Проблема смерти в философской антропологии / И. Ю. Тихонова. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2015. – № 1. – С. 88–93.

14. Уваров, М. С. «Смерть смерти»: постмодернистический проект / М. С. Уваров. – Текст : непосредственный // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков : мат-лы междунар. конф. СПб., 28–29 окт. 1997 г. /

отв. ред. М. С. Уваров. – СПб. : Изд-во Ин-та Человека РАН, 1997. – С. 21.

15. Узланер, Д. А. Секуляризация как социологическое понятие / Д. А. Узланер. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2008. – № 8, август. – С. 62–67.

16. Хадуева, Я. А. Проблема старения человека / Я. А. Хадуева. – Текст : непосредственный // Вестник современных исследований. – 2018. – № 11.3(26). – С. 208–209.

17. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков : «Фолио», 2003. – 503, [9] с. – Текст : непосредственный.

18. Эгильский, Е. Э. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения / Е. Э. Эгильский, А. В. Матецкая, С. И. Самыгин. – М. : КНОРУС, 2011. – 224 с. – Текст : непосредственный.

19. Юревич, А. В. Психологические аспекты отношения к смерти / А. В. Юревич. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник – 2018 – № 1. – С. 123–132.

E.V. Krotov

***Religious and philosophical reinterpretation
of the death phenomenon in the transformation
of the postmodern religious ideas***

The author of the article examines the religious and philosophical aspects of the attitude to the death phenomenon of a modern man as a representative of the post-secular world of the postmodern era. Denoting the features of religiosity of the period under consideration, the author concludes about the different levels of its manifestation and its heterogeneity. Despite the revival and strengthening of the positions of traditional religious systems, non-confessional religiosity and the desire for religion without religion become characteristic for a person of modernity, when God is thought in a certain distance from the

metaphysical to the radical-hermeneutic. The man of the postmodern era is doomed to an independent search for meanings, including the search for the meaning of death. Since the attitude to death is dynamic, the stages characterizing the attitude to death both in the history of mankind and in the individual history of specific people are considered. The Christian answer to the question of understanding death, offering a way out of the situation of despair and fear of non-existence, is given.

Key words: death, mortality, the meaning of death, the meaning of life, postmodern, immortality, faith, the transformation of religiosity, religiosity, post-secularity, immortality, eternal life.

Reference:

1. Antipov, N. A. *Smert' v soznanii sovremennogo obshchestva [Death in the consciousness of modern society] // XXI VEK. CHELOVEK I OKRUZHAJUSHCHII MIR [XXI CENTURY. PEOPLE AND THE WORLD]. – 2018, No. 1(01), Vol. 1, pp. 26–34. (In Russian)*

2. Ar'es, F. *Chelovek pered litsom smerti [The man in front of death]. Moscow, 1992. – 528 p (In Russian).*

3. Bashilov R.N., Bashilova S.M. *Mortal'nost' i immortal'nost' v psikhologicheskom diskurse [Mortality and immortality in psychological discourse] // Vestnik TvGTU: Serii «Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki» [Tvstu Bulletin: Series «social Sciences and Humanities»]. 2013. Iss. 2, pp. 55–59. (In Russian)*

4. Zobern, V.M. *Budushchaia zagrobnaia zhizn': Pravoslavnoe uchenie [Future after life: Orthodox teaching]. Moscow, 2012 – 124 p. (In Russian)*

5. Izotova, I.S. *Chelovek, Bog i religiiia v filosofskoi tanatologii Migelia de Unamuno [Man, God and religion in the philosophical thanatology of Miguel de Unamuno] // Voprosy filosofii. – 2011, No. 1, pp. 142–149. (In Russian)*

6. Konacheva, S. A. *Sekuliarnyi mir i novyi chelovek v sovremennom zapadnom bogoslovii [The Secular world and the new man in modern Western theology]. [Electronic resource]. Available at: <https://>*

cyberleninka.ru/article/n/sekulyarnyy-mir-i-novyy-chelovek-v-sovremennom-zapadnom-bogoslovii (accessed 10.04.2019).

7. Moroz, O. *Fenomen tsifrovoi smerti [Phenomenon of digital death] [Electronic resource]*. Available at: <https://postnauka.ru/video/87723> (accessed 10.04.2019).

8. Nazaretian, A. P. *Smysly zhizni i obrazy smerti v evoliutsionnoi razvertke [Meanings of life and images of death in the evolutionary unfolding] // Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. 2013. Vol. 83, No. 8, pp. 739–745.

9. *Terminy: postmodern, postsovremennost' [Terms: postmodern, postmodernity] [Electronic resource]*. Available at: <http://terme.ru/termin/postmodern-postsovremennost.html> (accessed 11.04.2019).

10. Sakhartseva, N. V. *Zhizn' i smert' v filosofii [Life and death in philosophy] // Nauchno-issledovatel'skaia deiatel'nost' kak faktor lichnostnogo i professional'nogo razvitiia studentov : mat-ly mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. sredi obrazovatel'nykh uchrezhdenii SPO, 2018 g. [Scientific research activity as a factor of personal and professional development of students: Materials of international student scientific and practical conference among educational institutions of SPO]*. Orel, 2018, pp. 218–225. (In Russian)

11. Sobanina, A. V. *Smysl zhizni v dukhovnom opyte cheloveka [The Meaning of life in the spiritual experience of man] // Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia : mat-ly mezhdunar. (zaoch.) nauch.-prakt. konf. Praga, 24 dekabria, 2016 g. [Modern trends in the development of science and education: Materials of international (part-time) scientific-practical conference. Prague, December 24, 2016]*. Praga, 2016, pp. 516–523. (In Russian)

12. Tikhonova, I. Iu. *Konechnost' chelovecheskogo bytiia kak predmet filosofskogo analiza [The Finiteness of human existence as a subject of philosophical analysis] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Ch. II. [Historical, philosophical, political and legal Sciences,*

cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Part II]. Tambov, 2015, No. 5(55), pp. 178–180. (In Russian)

13. Tikhonova, I. Iu. *Problema smerti v filosofskoi antropologii [The problem of death in philosophical anthropology] // Vestnik VGU. Serii: Filosofia [Bulletin of VSU. Series: Philosophy]. 2015, No. 1, pp. 88–93. (In Russian)*

14. Uvarov, M. S. «Smert' smerti»: postmodernisticheskii proekt [Death of death»: postmodern project] // *Perspektivy metafiziki. Klassicheskaia i neklassicheskaia metafizika na rubezhe vekov : mat-ly mezhdunar. konf. SPb., 28–29 okt. 1997 g. [Perspectives of metaphysics. Classical and non-classical metaphysics at the turn of the century: Materials of international conference. SPb., 28–29 Oct. 1997]. Saint Petersburg, 1997, P. 21. (In Russian)*

15. Uzmaner, D. A. *Sekuliarizatsiia kak sotsiologicheskoe poniatie [Secularization as a sociological concept] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological research]. 2008, No. 8 (August), pp. 62–67. (In Russian)*

16. Khadueva, Ia. A. *Problema stareniiia cheloveka [The Problem of human aging] // Vestnik sovremennykh issledovaniia [Bulletin of modern research.]. 2018, No. 11.3(26), pp. 208–209. (In Russian)*

17. Khaidegger, M. *Bytie i vremia [Being and time]. Khar'kov, 2003. – 503, [9] p.*

18. Egil'skii E. E., Matetskaia A. V., Samygin S. I. *Novye religioznye dvizheniia. Sovremennye netraditsionnye religii i ezotericheskie ucheniia [New religious movements. Modern non-traditional religions and esoteric teachings]. Moscow, 2011. – 224 p. (In Russian).*

19. Iurevich, A. V. *Psikhologicheskie aspekty otnosheniia k smerti [Psychological aspects of the attitude to death] // Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik, 2018, No. 1, pp. 123–132. (In Russian).*